

К.В. Синегубова
ORCID: 0000-0002-3917-1304
Кемерово, Россия
E-mail: sinegubova@nextmail.ru

УДК 821.161.1-3:82.09
DOI 10.26170/ufv19-03-03

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается литературно-критическая деятельность современных писателей и публицистов – Дм. Быкова и З. Прилепина. Проводится граница между понятиями «имидж» и «репутация». Гипотеза исследования заключается в том, что литературно-критические публикации указанных авторов влияют не столько на их имидж, сколько на литературную репутацию. Сопоставлены главы из книг «Советская литература: расширенный курс» Дм. Быкова и «Непохожие поэты» З. Прилепина, посвященные одному и тому же автору первой половины XX века – Владимиру Луговскому. Оба автора, в основном, совпадают в своих оценках творчества Вл. Луговского, однако описывая его биографию и давая характеристику его творчеству, Д. Быков и З. Прилепин акцентируют внимание на разных вещах. В результате биографы приходят к диаметрально противоположным выводам. С точки зрения Дм. Быкова, лучшее в творчестве Вл. Луговского было написано в результате его изоляции от литературной и общественной жизни и вынужденного освобождения от социального заказа. З. Прилепин, напротив, полагает, что поэзия Луговского целиком и полностью обусловлена его вовлеченностью в советскую действительность. Установленные каждым из биографов принципы соотношения общественной и литературной биографий могут быть востребованы при осмыслении творчества самих Дм. Быкова и Прилепина и формировании их собственных литературных репутаций.

Ключевые слова: литературная репутация, имидж писателя, литературные биографии, литературная критика, русская литература, литературное творчество.

K.V. Sinigubova
Kemerovo, Russia

LITERARY-CRITICAL WORKS OF THE WRITER AS A FACTOR OF LITERARY REPUTATION GENERATION

Abstract. The article deals with the literary and critical works of modern writers and publicists – Dm. Bykova and Z. Prilepin. The boundary between the concepts of “image” and “reputation” is drawn. The hypothesis of the study is that the

literary-critical publications of these authors influence not so much their image as their literary reputation. The chapters from the books “Soviet literature: advanced course” by Dm. Bykov and “The unlike poets” by Z. Prilepin dedicated to the same author of the first half of the twentieth century Vladimir Lugovsky are compared. Both authors mainly coincide in their assessments of literary works by Lugovsky. However while describing his biography and his work D. Bykov and Z. Prilepin focus on different things. As a result biographers come to diametrically opposite conclusions. From the Bykov's point of view, the best literary works by Vl. Lugovsky was written as a result of his isolation from literary and social life and obliged release from the social order. Z. Prilepin, on the contrary, believes that Lugovsky's poetry is entirely due to his involvement in Soviet reality. The mechanisms of the relationship of the author and the era established by each of the biographers may be in demand in the understanding of the work of Dm. Bykov and Z. Prilepin and the formation of their own literary reputations.

Keywords: literary reputation, image of a writer, literary biographies, literary criticism, Russian literature, literary creativity.

Проблема литературных репутаций актуальна как применительно к истории литературы [Розанов 1990; Акимова 2003], так и в современном литературном процессе [Лицарева 2006]. Актуальность этой проблемы обуславливается тем, что именно литературная репутация, обладая высоким ценностным потенциалом, определяет место автора в культурном контексте эпохи. Как отмечает Н. Акимова, «степень символизации литературной репутации может быть довольно высокой: иногда достигая мифогенного потенциала, превращать литературную репутацию писателя в культурный миф» [Акимова 2003].

Литературная репутация складывается на основании ряда факторов. В первую очередь, это тексты автора, причем не только художественные произведения, но также литературно-критические и публицистические статьи, интервью, письма. Влияние на литературную репутацию оказывают тексты о писателе: критические статьи, рецензии, эссе, очерки; а также мемуары современников и фото- теле- видеодокументы [Машковцева 2012: 175].

Важными предпосылками для формирования литературной репутации писателя является его творческое поведение, «социальная маска», или амплуа писателя [Голубков 2001]. Писатель создает себе определенный образ, который отражает «ту стороны личности писателя, которую он намерен продемонстрировать публике» [Машковцева 2012: 176]. Представляется чрезвычайно важной мысль М. М. Голубкова о том, что выбранное автором писательское амплуа отражает его самоопределение в культурном пространстве [Голубков 2001].

С другой стороны, исследователи отмечают, что «вряд ли можно найти хотя бы один пример, когда закрепившаяся за писателем литературная репутация была результатом его же целенаправленных дей-

ствий» [Машковцева 2012: 176]. Сама публика, массовая аудитория, формирует миф о писателе, часто без непосредственного участия последнего. Тем не менее, в условиях возрастающей коммерциализации писательского труда многие авторы пытались и пытаются сознательно формировать свой имидж, определенный образ в глазах аудитории. Профессиональные писатели заинтересованы в сохранении и расширении своей аудитории, а следовательно – стабилизации и увеличении дохода.

Однако следует отметить, что реакция массовой аудитории и реакция профессионального сообщества (писатели, литературные критики, филологи) может не совпадать. Поэтому необходимо провести границу между понятиями имидж и репутация. А. Е. Богоявленский утверждает, что репутация включает в себя имиджевую (поверхностный уровень) и содержательную части. Как отмечает А. В. Чепкасов, «если имидж – это намеренно моделируемое и транслируемое представление об объекте, то репутация как общее мнение о достоинствах кого или чего-либо никем не создается и не транслируется» [Чепкасов 2017: 89]. Литературную репутацию можно определить как процесс формирования единого мнения о писателе и его творчестве, которое может меняться с течением времени, однако обладает большей устойчивостью, чем имидж. На имидж можно воздействовать с помощью определенных имиджевых технологий по желанию самого писателя, издателя или других заинтересованных лиц. В свою очередь, литературная репутация формируется под влиянием большего количества факторов и в меньшей степени поддается целенаправленному формированию.

Очевидно, что и Дмитрий Быков, и Захар Прилепин создают себе определенный имидж своими публичными высказываниями, своей общественно-политической и просветительской деятельностью. Однако мы предполагаем, что литературно-критические труды указанных авторов, а именно книга З. Прилепина «Непохожие поэты», изданная в серии ЖЗЛ, и книга Дм. Быкова «Советская литература: расширенный курс» в меньшей степени влияют на имидж и в большей – на литературную репутацию. Обе названные книги находятся на пересечении литературной и научной традиции. Серия ЖЗЛ не является строго научной серией, в ней печатаются литературные биографии. Вл. Новиков указывает, что биография писателя решает «проблему литературного героя» [Новиков 2017]. О. Осовский пишет о литературности биографий ЖЗЛ как о серьезной проблеме, поскольку возникает «неизбежное противоречие: литературность против документальности» [Осовский 2018: 195]. Не останавливаясь на оценках, отметим, что литературность биографий в ЖЗЛ является нормой, о чем свидетельствует также тот факт, что авторами книг становятся не только ученые, но и писатели: помимо книги Захара Прилепина, следует

назвать «Бориса Пастернака» Дмитрия Быкова, «Андрея Платонова» А. Варламова и др. Тем не менее, авторитетность серии придает дополнительную значимость опубликованным в ней книгам.

Книга Дм. Быкова «Советская литература: расширенный курс» своим названием имитирует учебник, это впечатление поддерживается и делением на главы, каждая из которых посвящена определенному автору. Однако названия глав, такие как «Трезвый Есенин», «Очкарик и кентавры», «Федин беден», «Дикий Дон» наглядно демонстрируют разрушение педагогического дискурса. Обе указанные книги, в которых речь идет о реальных исторических фигурах, написанные в достаточно свободном ключе, представляют большой интерес, так как раскрывают эстетические установки авторов-биографов. Как говорил А.С. Пушкин, «судить писателя можно только по законам, им самим признаваемым», и когда З. Прилепин и Дм. Быков говорят о других авторах, они формулируют те законы, которые сами признают и которые могут быть осмыслены как ключ к их собственному творчеству. Следует подчеркнуть, что осмысление творчества названных писателей с учетом их этических и эстетических установок является задачей ученых, а не читателей, и, как следствие, повлияет на литературную репутацию указанных авторов, а не на их имидж.

Для сопоставительного анализа были выбраны главы из книг «Советская литература: расширенный курс» и «Непохожие поэты», посвященные одному и тому же писателю первой половины XX века – Владимиру Луговскому.

В общем и целом, и Дм. Быков и З. Прилепин, с определенными оговорками, высоко оценивают творчество этого советского поэта. Признавая за Вл. Луговским ряд конъюнктурных текстов, биографы совпадают в том, что лучшее из написанного Луговским – это цикл поэм «Середина века» и несколько ранних стихотворений, в частности «Над Родиной качаются весенние звезды...». Однако основания для положительной оценки Вл. Луговского как поэта у Быкова и Прилепина значительно различаются.

Утверждая, что творчество Вл. Луговского 1920-х – «обычная дань эпохе», Быков с удовольствием отмечает, что интеллигентность мешает молодому Луговскому «ломать язык». Прилепин, рассказывая о детстве поэта, тоже делает акцент на интеллигентности семьи, но с противоположным выводом: «быть может, в таких семьях вырастают революционно настроенные юноши» [Прилепин 2015: 246]. Рассказывая о периоде 1920-х, Прилепин не дает принципиально иной, чем Быков, оценки творчеству Вл. Луговского, хотя высказывается мягче: «Луговской пишет еще сбивчивые, еще юношеские стихи...» [Прилепин 2015: 254]. Прилепин оправдывает участие Луговского в группе

конструктивистов: «он только-только начинал, ему была нужна своя задорная компания», – подчеркивает его преданность революции, описывает сомнения поэта при вступлении в РАПП. Таким образом, те факты биографии, на которых Быков не акцентирует внимания, Прилепин проговаривает, но всегда ищет аргументы в защиту своего героя.

Представляется показательной разница в отношении биографов к некоторым текстам из первой книги. З. Прилепин стихотворения «Ушкуйники» и «Дорога идет от широких мечей...» рассматривает в рамках разработки Луговским исторической темы. У Быкова же первое стихотворение – типичная ошибка юности, он говорит об «ушкуйнических циклах», за которыми скрывается совершенно другой, настоящий Луговской. А второе стихотворение Быков – несмотря на то, что формат книги не позволяет ему уделить каждому автору более двадцати страниц – цитирует полностью, делая акцент на последних строках: «Мне страшно назвать даже имя ее – Свирепое имя Родины». Следует отметить, что последнюю строчку Прилепин использует в названии одной из глав, однако никак не прокомментирует это парадоксальное утверждение, которое могло бы значительно пошатнуть образ патриотически настроенного поэта Владимира Луговского, образ которого создается в книге «Непохожие поэты».

Еще более различны финальные оценки раннего творчества Луговского. Быков характеризует его так: «за всем буйством молодости и всей дисциплиной конструктивизма, к которому он примкнул в конце двадцатых, ощущается то, что собственно и делает Луговского поэтом: ужас перед ледяной бесчеловечностью истории, живая нежность, чистая и стройная мелодика».

У Прилепина не только нет упоминания ужаса как основы художественного миропонимания, напротив – его герой успешен и гармоничен. Прилепин много и подробно пишет о востребованности Луговского, о его популярности: «в конце 1920-х Луговской уже всероссийская звезда» [Прилепин 2015: 260].

Даже мелодику стихотворений Луговского биографы определяют по-разному: Прилепин описывает «юную, ломкую, яростную мелодику» [Прилепин 2015: 259], Быков – «чистую и стройную» [Быков 2014: 164]. С формальной точки зрения, разница объясняется тем, что Прилепин говорит о книге «Мускул» (1929), а Быков – обо всем творчестве. Однако эмоциональные характеристики, которые дает Прилепин, показывают, что для него бóльшую ценность представляет поэт в контексте эпохи, в то время как для Быкова важнее поэт в вечности. И хотя оба автора актуализируют в сознании своих читателей советскую литературу, Прилепин тщательно воссоздает также и советскую эпоху, исторический контекст.

В книге Быкова образу эпохи уделяется намного меньше внимания, часто схематично очерчен контур исторических событий с явной опорой на стереотипные представления, например, об эпохе сталинского террора, о начале войны и т. д. Прилепин же часто полемизирует с устоявшимся мнением по поводу того или иного аспекта советского прошлого. Приведем две цитаты: «...бурное социалистическое строительство (мы несколько не иронизируем – шло масштабное строительство)» [Прилепин 2015: 264]. К подобным поездкам (в республики Советского Союза – К.С.) значительно позже стало принято относиться иронично. Но какая, товарищи, ирония? Страна обратила внимание на свои окраины, отправила туда лучших мастеров и лучших литераторов... Через пару десятилетий страна будет иметь целую библиотеку национальных литератур» [Прилепин 2015: 268]. Представляется важным, что Прилепин сознательно воспроизводит речевые штампы (например, «бурное социалистическое строительство»), чтобы разрушить сложившиеся представления читателей о советском прошлом. Таким образом, можно сделать вывод, что с точки зрения Прилепина для правильной оценки поэта важно хорошо знать время, в которое он жил и писал. Книга Быкова, в свою очередь, не предполагает углубления в историю, читателю достаточно тех представлений о советском прошлом, которые у него есть.

Обходя сложный в морально-нравственном отношении период 1930-х годов, Быков не упоминает «расстрельные стихи» Луговского как факт, не имеющий отношения к подлинному творчеству. Прилепин же их не только упоминает, но и цитирует, а также приводит возмущение Ф. Гладкова по поводу этих стихов. Но это подчеркнуто честное признание нелицеприятного факта сглаживается размышлениями биографа о том, что современные оценки участия того или иного автора в показательных процессах 1930-х не всегда основаны на фактических данных. Как несомненное достоинство отмечает Прилепин верность Вл. Луговского коммунистическим идеям, которая в биографии предстает как верность самому себе: «раз сказал «коммунизм – это все», значит, стоит отвечать за сказанное» [Прилепин 2015: 302].

Более того, если Быков склонен замалчивать конъюнктурные стихи Луговского, то Прилепин готов в ряде случаев признать их художественные достоинства: «Луговской освоил социальный заказ и сделал хорошую, бодрю книгу «Большевикам пустыни и весны»... Там почти нет вымученности» [Прилепин 2015: 274].

Разное представление о том, насколько близкими были Вл. Луговскому задачи времени приводят к тому, что трехлетнее молчание Луговского после разгромной статьи о нем в 1937 году получает диаметрально противоположные трактовки. Быков интерпретирует отсут-

стве публикаций как глубочайший творческий кризис: «И до сорок первого года он не написал ни одной живой строчки» [Быков 2014: 170], Прилепин – как сознательный отказ от публикации: «книг Луговской три года выпускать не будет – иначе поймают твоей же собственной строчкой как удавкой, опять будут душить. К черту, лучше переждать» [Прилепин 2015: 316].

Представляется перспективным сопоставить то, как Прилепин и Быков описывают начало Великой Отечественной войны – переломный момент в судьбе Владимира Луговского. В книге Быкова говорится о военной катастрофе 1941 года, как о чем-то само собой разумеющемся, и читатель по умолчанию экстраполирует на Вл. Луговского шок гражданского населения от внезапно начавшейся войны. Прилепин же подробно пишет о военной карьере своего героя и его внутренней готовности к войне: «Луговской так долго и уверенно двигался к решающему поединку – к огромной войне – и отправляется на фронт немедленно, в последнюю неделю июня». Подчеркивается готовность Луговского воевать в Польше 1939 году: «Луговской чувствует себя на войне в своей шкуре, на своем месте...» [Прилепин 2015: 320], описывается триумфальное возвращение Луговского в Москву, его бодрость, оптимизм, ощущение, что «жизнь снова разноцветная». Напомним, что с точки зрения Быкова, период 1937–1941 гг. в жизни Луговского – это период глубокого творческого и духовного кризиса.

Оба биографа сходятся на том, что бомбежка, в которую попал Луговской летом 1941 года, кардинально изменила его. Но Прилепин пишет о потере себя, о духовной смерти: «душа изуродовалась и запахла человеком, в котором жила. А до тех пор ведь ветром была полна, одним только ветром» [Прилепин 2015: 329]. А для Быкова этот период – это возвращение Луговского к себе, возрождение: «Выход был – только прочь от официоза, глубже, к собственному истоку, к главным воспоминаниям. И Луговской вырвался... Он перестал себя ломать и теснить, и «Середина века» заговорила его собственным голосом» [Быков 2014: 171-172]. Думается, что настолько разные трактовки одного и того же, достаточно короткого, периода в жизни Луговского не могут быть объяснены тем, что у биографов были разные источники информации или что этих источников было недостаточно. Вероятнее, у Быкова и Прилепина разные представления о том, как соотносятся между собой общественная и литературная позиция писателя, соответственно выпадение Луговского из общественной жизни Прилепин считает пагубным, а Быков благотворным.

Оба биографа упоминают книгу К. Симонова «Двадцать дней без войны», в которой он описывает свою встречу с Луговским и осуждает его. Оба биографа отмечают, что это не самая корректная реакция, хо-

тя и закономерная. Но Прилепин подчеркивает принципиальность Симонова: «как воин, и как поэт, Симонов обязан идти до конца» [Прилепин 2015: 338]. Быков же дает отрицательную оценку: «все-таки это описание довольно... ну, «подлое» – не то слово, хотя бывали у Симонова и такие поступки, а все-таки высокомерное, с высот собственного тогдашнего положения... можно понять, как его, фронтовика, раздражают тыловые страдания Луговского, его распад и пьянство. А все-таки можно было ждать, что он найдет для него более человеческие слова» [Быков 2014: 173]. Таким образом, мы видим разный горизонт ожиданий у двух биографов и разный подход к оценке биографических фактов как составляющих литературной репутации: для Прилепина важнее общественный и гражданский долг, а для Быкова – человеческий. Следует также отметить, что оба биографа достаточно скептически относятся к тем оценкам, которые дают Луговскому современники.

Проведенный анализ двух биографий Владимира Луговского показывает, что интерпретация фактического и литературного материала является отражением системы ценностей биографа и его представления о задачах поэта. Быков ценит в Луговском не то, что соответствовало требованиям времени, не то, что ценили современники, а то, что как раз не вписывалось в рамки социального заказа. Отсюда большое количество сравнений Луговского не только с современниками (Пастрнаком и Заболоцким), но и с поэтами уже иной эпохи – Кушнером, Чухонцевым, Рейном – именно в плане поэтической манеры, которая существует вне прямой связи с социально-историческими условиями. С точки зрения Прилепина, поэзия Луговского, напротив, является продуктом эпохи: «Луговской написал под прессом жестокой власти свои самые дурные, патетичные и пустые стихи, сочиненные в каком-то изнеможении сил и чувств. Но дело в том, что лучшие свои стихи он написал в силу тех же причин: под влиянием времени, на мощнейшем ветру эпохи» [Прилепин 2015: 361].

Можно сделать вывод, что в двух биографиях Вл. Луговского, написанных Дм. Быковым и З. Прилепиным, последовательно формируются критерии отношения к автору и критерии формирования литературной репутации, не во всем совпадающие с теми, которые выдвигают исследователи данного понятия. Для Быкова творчество поэта в гораздо большей мере значимо для формирования литературной репутации, нежели общественная и политическая позиция писателя. Поэтому в биографии Луговского, написанной Быковым, содержатся лишь несколько значимых фактов, поворотных моментов, которые обуславливают переоценку ценностей и кардинальные изменения в поэтической практике. С точки зрения З. Прилепина, напротив, поэтическое творчество неотделимо от условий, в которых оно создавалось,

а литературная репутация поэта неотделима от репутации человеческой. Предполагается, что реализуя данные установки в биографиях авторов советской эпохи, Быков и Прилепин формулируют те критерии, которые являются максимально релевантными для оценки их собственного литературного творчества. Так, при формировании литературной репутации Быкова необходимо учитывать представление автора об автономии литературного творчества от общественного положения писателя. В случае с Прилепиным в равной мере необходимо опираться на убежденность писателя в тесной связи общественной позиции и человеческой репутации писателя с его творчеством.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова Н. Н. Ф.В. Булгарин в литературном контексте первой половины XIX века : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. Санкт-Петербург, 2003. 459 с.

Богоявленский А. Е. Понятия «имидж», «репутация» и «образ» в контексте «Критики чистого разума» И. Канта // Акценты: альманах. 2001.

Быков Д. Советская литература: Расширенный курс. М. : ПРОЗА-иК, 2014.

Велижев М. Б. «Сенатор» vs. «Поэт»: (авто)биографическая мифология и литературная репутация И.И. Дмитриева // Avtobiografija: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2016. Т. 5. С. 117-150.

Голубков М. М. «Человек массы» и проблема творческого поведения писателя // Полигнозис. 2001. № 1 (13). С. 104-119.

Дубин Б. Литературная культура сегодня // Знамя. 2002. № 12. С. 66-75.

Дубин Б. Слово-письмо-литература. Очерки по социологии современной культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 412 с.

Лицарева К. С. Проблема колебаний иерархий и репутаций в современном литературном процессе // Вестник ВятГУ. 2006. № 14. С. 85-88.

Машковцева Л. Ф. Историко-культурные истоки и проблемы изучения понятия «Литературная репутация» // Дискуссия. 2012. № 2. С. 174-176.

Морозова О. В. Рассказ как форма критики: к вопросу о литературной репутации А.П. Чехова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. Т. 154. № 2. С. 69-75.

Прилепин З. Непохожие поэты. Трагедия и судьбы большевистской эпохи. Анатолий Мариенгоф, Борис Корнилов Владимир Луговской. М. : Молодая гвардия, 2015.

Розанов И. Н. Литературные репутации. М. : Советский писатель, 1990. 464 с.

Чепкасов А. В. Имидж, образ, стереотип, репутация: сходное и специфичное // Русский язык за рубежом. 2017. № 5. С. 83-91.

REFERENCES

Akimova N. N. F.V. Bulgarin v literaturnom kontekste pervoy poloviny XIX veka : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.01. Sankt-Peterburg, 2003. 459 s.

Bogoyavlenskiy A. E. Ponyatiya «imidzh», «reputatsiya» i «obraz» v kontekste «Kritiki chistogo razuma» I. Kanta // Aktsenty: al'manakh. 2001.

Bykov D. Sovetskaya literatura: Rasshirennyy kurs. M. : PROZAiK, 2014.

Velizhev M. B. «Senator» vs. «Poet»: (avto)biograficheskaya mifologiya i literaturnaya reputatsiya I.I. Dmitrieva // AvtobiografiYa: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2016. T. 5. S. 117-150.

Golubkov M. M. «Chelovek massy» i problema tvorcheskogo povedeniya pisatelya // Polignozis. 2001. № 1 (13). S. 104-119.

Dubin B. Literaturnaya kul'tura segodnya // Znanya. 2002. № 12. S. 66-75.

Dubin B. Slovo-pis'mo-literatura. Ocherki po sotsiologii sovremennoy kul'tury. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 412 s.

Litsareva K. S. Problema kolebaniy ierarkhiy i reputatsiy v sovremennom literaturnom protsesse // Vestnik VyatGU. 2006. № 14. S. 85-88.

Mashkovtseva L. F. Istoriko-kul'turnye istoki i problemy izucheniya ponyatiya «Literaturnaya reputatsiya» // Diskussiya. 2012. № 2. S. 174-176.

Morozova O. V. Rasskaz kak forma kritiki: k voprosu o literaturnoy reputatsii A.P. Chekhova // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. 2012. T. 154. № 2. S. 69-75.

Prilepin Z. Nepokhozhie poety Tragediya i sud'by bol'shevistskoy epokhi Anatoliy Mariengof Boris Kornilov Vladimir Lugovskoy. M. : Molodaya gvardiya, 2015.

Rozanov I. N. Literaturnye reputatsii. M. : Sovetskiy pisatel', 1990. 464 s.

Chepkasov A. V. Imidzh, obraz, stereotip, reputatsiya: skhodnoe i spetsifichnoe // Russkiy yazyk za rubezhom. 2017. № 5. S. 83-91.

Данные об авторе

Синегубова Капиталина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века, Кемеровский государственный университет (Кемерово).

Адрес: 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

E-mail: sinegubova@nextmail.ru.

Author's information

Sinegubova Kapitalina Valer'evna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the XX century, Kemerovo State University (Kemerovo).